

Светлана Алешина

Непредвиденная ситуация

Часть сборника
Секс, ложь и фото (сборник)

Папарацци

Светлана Алешина

Непредвиденная ситуация

«Научная книга»

2000

Алешина С.

Непредвиденная ситуация / С. Алешина — «Научная книга»,
2000 — (Папарацци)

«...Негромко хлопнула входная дверь. Удивленный Инкин возглас, потом три сухих щелчка. Я расслышала их, несмотря на игравшую музыку. Едва успев натянуть то, что следовало, я вылетела из туалета. Дверь в квартиру была распахнута. Чужая неладная, я вбежала в гостиную. Инка лежала на полу, хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Только у рыбы кровь не такая красная или вообще не красная, не знаю. У Инки же на груди, там, где ее гладкое тело было прикрыто халатиком, образовалось и продолжало набухать сочно-алое влажное пятно. Я метнулась к телефону. — Срочно, — крикнула я в трубку, назвав Инкину фамилию, — огнестрельное ранение...»

© Алешина С., 2000

© Научная книга, 2000

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Светлана Алешина

Непредвиденная ситуация

Глава 1

Какого черта я ела эти дурацкие пирожки, которые притащила Маринка? Они мне сразу не понравились, и не нужно было вообще к ним прикасаться. Нет, все-таки попробовала. Вот и мучайся теперь! Как назло, дома нет нужных лекарств от этого дела.

Живот крутит целый час. «Кишка кишке бьет по башке», – вспомнила я присказку. Что это, отравление? Но ведь рвоты-то нет... Я с ужасом потрогала ладонью лоб. Холодный. Меня бросило в озноб. Пот не струится, дыхание учащенное, но не настолько, чтобы навести на мысль о критической минуте... Когда колики стихли, я взяла с полки журнал и стала лениво его перелистывать, стараясь отвлечься от внутриутробной катастрофы.

Стоп. А почему именно пирожки? Главное забота! После пирожков отмечали Лелькин день рождения. Может, это результат съеденных салатов? Дорвалась, называется! Правильно, майонез, еще этот, как его, ананас с перцем – надо у Лельки рецепт спросить. Да, девушка, перебор!

Я взяла себя в руки и решила все же обратиться к живущей этажом ниже, прямо подо мной, медичке, с которой не то чтобы шибко дружила, но по-соседски ладила и даже несколько раз заходила в гости.

Инка Демьянова, моя соседка, была особой яркой и фривольной. Она давно послала к черту все предписания наших дворовых клушек о том, как вести себя молодой незамужней маме семилетней девчушки. Большую часть своего детства ребенок Инки проводил у бабушки в тарасовском пригороде.

Освобожденная от прямых материнских обязанностей, Инка много времени посвящала устройству своей личной жизни.

Инка, к чести ее нужно заметить, была далеко не всеядной. Существовал перечень социально-материальных и туманно-духовных благ и качеств, которыми должен был обладать мужчина ее мечты. В него входило наличие благоустроенной квартиры, автотранспорта, причем не самого худшего, желательно иномарки; щедрой на материальные подношения души, способной к пониманию и согласию с ее, Инкиными, жизненными принципами, и полная лихой разухабистости откровенность этой самой души, парами алкоголя катапультируемой прямо в рай заманчивых обещаний и клятв любить до гроба.

Сей список, конечно, не полон. В каждом отдельном случае появлялись новые требования, пожелания, просьбы и предложения. Все зависело от конкретного человека. И в этом Инка была новатором, пытающимся увязать обычный «джентльменский набор» с личной психологией и физиологией очередной жертвы ее типично американских характеристик: высокая сбитая блондинка с длинными, чуть более полными, чем нужно, ногами, умеренно грудастая, с томным коровьим взглядом и ниспадающими до плеч небрежно завитыми локонами.

Инка свободно, с обстоятельностью и опытом прагматично-истеричной тетki рассуждала о любви, сексе, мужских пристрастиях и разного рода «штучках» извращенцев, с которыми ей приходилось сталкиваться на своем жизненном и сексуальном пути. Особенно «умиляла» мотивация ее бесчисленных проб и ошибок – необходимость найти отца для своей синеглазой малютки.

Дежурившие под ее окнами иномарки меня давно перестали удивлять, как, впрочем, и их требовательно-нетерпеливые или веселые сигналы посреди ночи.

Инка работала медсестрой в городской больнице, и одному богу известно, как бы она сводила концы с концами, если бы не помощь мамы, держащей в пригороде хозяйство, и не щедрость состоятельных секс-партнеров.

В моей безрассудной соседке меня подкупало отсутствие культурных предрассудков и компанейская жилка.

Я спустилась к Инкиной двери и надавила на кнопку звонка. Была глубокая ночь, но я знала, что Инка не спит. Из-за двери неслась музыка – грубо ритмизованная попса. Дверь отворилась, и на пороге возникла Инка. На ней был короткий шелковый халатик, нагло разъезжающийся на груди. В руке она держала фужер с шампанским.

– О! – издала она радостный возглас, – проходи, Оль.

По маслянистому блеску ее глаз я поняла, что она подшофе. Ничто не выдает так подпившего субъекта, как блаженно-идиотская улыбочка, непроизвольно появляющаяся на губах.

– Ин, у меня просьба, – скромно сказала я, – у тебя нет фталазола или левомецетина, или активи...

– Че, приперло? – с фамильярным сочувствием поинтересовалась Инка. – Ты пройди, пройди, я посмотрю. Да проходи ты!

Инка чуть не силой втянула меня в квартиру. Я же говорю, она без комплексов! На вешалке я заметила шикарную мужскую дубленку. В квартире пахло алкоголем, дорогим куревом и хорошим одеколоном. Комментарии излишни.

– У нас тут веселье небольшое, присоединиться не хочешь? – спросила она меня на кухне, роясь в аптечке, представлявшей из себя большой пластиковый пакет. – У меня такой мужик!

Она прекратила свое благородное занятие и лукаво посмотрела на меня.

– Да просто так посидим, не тушуйся!

Была одна черта в Инке, которая меня раздражала. Догадываетесь, какая? Ее детский эгоизм. Да, да, она бывала отзывчивой и милосердной. Как, например, минутой раньше, когда, запустив свою наманикюренную руку в мешок с препаратами, пыталась оказать мне содействие в борьбе с дурацким расстройством. Именно бывала, а не была. Значительно чаще Инка делала вид, что ваших бед не существует, а есть только неоправданное упрямство в нежелании порадовать ее своим обществом.

– Не могу, Ин, – крайне убедительно поморщилась я, прижав руку к животу.

– Че, действительно так паршиво? – в ее темных коровьих глазах мелькнуло сострадание.

Я только кивнула. Шедевральная «Нелюбовь», с надрывом рвущаяся из магнитофона, уступила место назойливому «Пуху» «Иванушек Международных».

– Ты сядь, сядь, – Инка опять принялась рыться в мешке.

Я повиновалась. К своему ужасу, я чувствовала приближение нового приступа кишечного бешенства. Мне хотелось выхватить у Инки мешок и взяться за самостоятельный поиск таблеток. Ее пьяное копошение начало меня утомлять. И тут к нам в кухню вышел ее солидный гость, тоже, наверное, потерявший всякое терпение.

Несмотря на недомогание, я с невежливым любопытством уставилась на него.

– Знакомьтесь, – просияла Инка, бросив поиски, – моя соседка Оля, а это Аркадий Сергеевич. Он у нас видный бизнесмен и славный человек.

Инка растянула рот в слащавой улыбке, шаткой походкой приблизилась к «славному человеку» и, ни капельки не смущаясь, обвила его шею своей расслабленно-доброй рукой. «Видный бизнесмен» быстро взглянул на меня, проверяя реакцию, потом деликатно высвободился из Инкиных объятий и вымученно улыбнулся.

– А приехали мы на прекрасной «бээмвухе» последней модели, настоящей амфибии, – дурашливо загоготала Инка и хлебнула из фужера. – Ну разве не круто?

Она опять, на этот раз еще более уверенно, обняла Аркадия Сергеевича, который решительно, если не сказать резко, откинул ее мягкую руку и с упреком взглянул в глаза.

– Инна! – укоризненно произнес он, на что Инка снова рассмеялась.

– Вот Оля не хочет принять участие в нашем празднике, – капризно прогнусавила Инка, кидая на нас с Аркадием Сергеевичем раззадоривающие взгляды.

Физиономия «славного человека» совсем неэстетично вытянулась. Я поняла причину его опасений. То, что он позволял своей развязной пассивности наедине, он не мог позволить в присутствии третьего человека. Тем более незнакомого.

Наконец я приняла волевое решение: встала и взяла мешок.

– Ага, – одобрила мои действия Инка, – давай, Оль, сама...

– Тебя можно на минутку? – сдерживая раздражение, обратился к ней Аркадий Сергеевич, кивая в сторону гостиной.

– А че ж? – вызывающе взглянула на него Инка и дала себя увести под локоток.

Когда эта забавная парочка удалилась, я высыпала на стол содержимое пакета и наконец нашла нужное. Таблетка фталазола, таблетка активированного угля. Все это я запила большим количеством воды и... понеслась в туалет. Плевать мне на условности! Господи, когда же все это кончится наконец?!

Туалет у Инки был комфортабельный, отделанный с соблюдением всех гигиенических норм, а в случае обнаружения в унитазе микробов можно было воспользоваться стоящим на полочке «Кометом». Чтобы не заикливаться на нервирующей проблеме и дать организму свободу действий, я постаралась направить мысли в отвлеченное от ситуации русло. Принялась думать об Инне и ее новом бой-френде, воскрешая в памяти его внешний облик.

Средних лет, коренастый, с открытым лицом и седыми висками. Его можно было бы назвать приятным, если бы не натянутый и высокомерный вид. Густые волосы, умные серые глаза, мужественный подбородок. Взгляд строгий, оценивающий. Пальцы хоть и узловатые, но холеные. Дорогие часы, элегантный костюм. Вот если бы он был постройнее... Представительный дядечка. Интересно, где Инка его подцепила? Позже она, конечно, расскажет. Поговорить о своих мужиках ей как меду напиться. Но она-то этому Аркадию Сергеевичу не очень подходит... Со вкусом дядечка...

Негромко хлопнула входная дверь. Удивленный Инкин возглас, потом три сухих щелчка. Я расслышала их, несмотря на игравшую музыку. Едва успев натянуть то, что следовало, я вылетела из туалета. Дверь в квартиру была распахнута. Чужая неладная, я вбежала в гостиную. Инка лежала на полу, хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Только у рыбы кровь не такая красная или вообще не красная, не знаю. У Инки же на груди, там, где ее гладкое тело было прикрыто халатиком, образовалось и продолжало набухать сочно-алое влажное пятно.

Я метнулась к телефону.

– Срочно, – крикнула я в трубку, назвав Инкину фамилию, – огнестрельное ранение.

– Адрес? – невозмутимо спросила диспетчер.

Я назвала номер своего дома.

– Квартира?

Вот черт, какая же у нее квартира? Никогда не задумывалась об этом.

– Сейчас, – я произвела в уме нехитрые вычисления и назвала цифру.

– Пожалуйста, оставайтесь с пострадавшей, – равнодушно сказала диспетчер, как будто я просила вынуть занозу из пальца, – бригада сейчас будет.

Швырнув трубку на рычаг, я наклонилась к Инке. Надо что-то делать! Она была еще жива – слабые хрипы вырывались из ее груди. Я сбегала на кухню и вернулась оттуда с полотенцем в руках. Осторожно распахнув халатик, приложила сложенное полотенце к ране. Инка, вздрогнув, открыла глаза и непонимающе уставилась на меня.

– Кто это был? – приблизила я к ней лицо.

– Эта сучка, – еле слышно прошептала она и снова отключилась.

Выстрелов было три, а рана у Инки одна. Почему? Две другие пули могли войти одна в одну или пролететь мимо. Не обнаружив на теле соседки никаких других повреждений, я запахла халат и ниже склонилась над ней.

– Инна, Инна, – тронула я ее за плечо.

В ответ я услышала протяжный стон, потом несвязное бормотание. Только бы она не умерла!

О, черт! Я увидела Аркадия Сергеевича. Теперь понятно, куда делись другие пули. Во всяком случае одна. Аркадий Сергеевич замер в кресле. У него во лбу было маленькое отверстие, как раз между бровями. Обычно в этом месте индусы рисуют так называемый третий глаз. Два глаза Аркадия Сергеевича, данные ему от природы, были открыты и смотрели в невидимую точку на противоположной стене. Конечно, я не доктор и даже не медсестра, но и без специального образования ясно, что Аркадий Сергеевич отправился в путешествие, из которого не возвращаются.

Поднявшись, я сделала несколько шагов по направлению к креслу. А вот и следы от третьей пули. Светло-серая сорочка Аркадия Сергеевича, обтягивавшая его небольшой выпирающий животик, была мокрой от крови. Значит, в него стреляли два раза: в живот и в голову. Почерк профессиональный: в голову контрольный выстрел делают киллеры.

Видимо, Инкин бой-френд кому-то сильно не угодил. Но Инка сказала: «Эта сучка». Что-то не похоже на киллера. А разве женщина не может быть киллером?

В это время в прихожей раздался топот тяжелых сапог, и в гостиную ворвался человек, хорошенько рассмотреть которого я не успела. На нем была черная шапочка с отверстиями для глаз и для носа, а в руках автомат, стволом которого он поводил из стороны в сторону.

– Лежать! – истошно заорал он, заметив меня. – Лицом вниз! Руки за голову!

В таких ситуациях лучше подчиниться требованиям, какими бы глупыми они ни казались. Поэтому я плюхнулась на пол рядом с неподвижной Инкой. Этот герой в маске, похоже, был не один. По звукам шагов я поняла, что еще несколько человек бросились осматривать все помещения в квартире.

Черт! Я же воду в туалете не спустила! Только я подумала о туалете, как сразу же решил напомнить о себе кишечник. Правда, его ворчание было не таким агрессивным, как раньше, – наверное, лекарства уже начали действовать.

– Вставай, – услышала я над собой молодой голос и подняла голову.

На стуле, стоявшем посреди гостиной, сидел парень с погонами старшего лейтенанта милиции.

Кажется, я вызывала «Скорую», – мелькнуло в голове, – или по ошибке набрала «ноль два» вместо «ноль три»?

– Ей нужен врач, – сказала я, поднимаясь, и показала на Инку.

– «Скорая» уже едет, – кивнул старлей. – Это вы ее вызвали?

– Я.

– Нам сообщили с подстанции о вашем звонке, – пояснил лейтенант, – мы находимся ближе, поэтому и приехали раньше.

Словно подтверждая его слова, в гостиную вошел грузный мужчина лет сорока с саквояжем в руках. Поверх его пальто был натянут белый халат. За ним семенила молоденькая медсестра. Быстро оценив ситуацию, доктор наклонился над Инкой и взял ее за запястье:

– Нужно положить девушку на диван.

Лейтенант кивнул своим подчиненным, стоявшим у входа в комнату, и они, поставив автоматы, помогли доктору.

– Пойдемте на кухню, – посмотрел на меня лейтенант, поднимаясь со стула.

– Нет, – сказала я, не глядя на него, – сначала мне нужно в туалет.

– Ладно, – кивнул он, смутившись не меньше моего, – только недолго.

Спустя десять минут я сидела на кухне за столом напротив лейтенанта. Сдвинув в сторону посуду, он достал из планшетки ручку и несколько бланков.

– Старший лейтенант Левченко Алексей Владимирович, – представился он.

На вид ему можно было дать года двадцать два – двадцать четыре, а если бы не темная щеточка усов, то и того меньше. Голос лейтенанта вполне соответствовал его внешнему виду. Я с интересом наблюдала за его действиями. Он закончил делать записи и поднял на меня большие голубые глаза.

– А вы кто будете?

– Соседка Инны, – я показала пальцем на потолок, – Бойкова Ольга Юрьевна.

– Место работы? – продолжал лейтенант.

– Еженедельник «Свидетель».

Старший лейтенант с интересом посмотрел на меня.

– Должность? – спросил он, запротоколировав предыдущий ответ.

– Главный редактор.

Алексей Владимирович недоверчиво взглянул на меня, но и этот ответ занес в протокол.

– Как вы оказались в ее квартире?

– Понимаете... – замялась я, – у меня сегодня живот взбунтовался. Наверное, съела чего-нибудь, а Инна в больнице работает. Вот я и спустилась к ней за лекарствами.

– Когда это было?

– Часто говоря, мне было не до часов, – вздохнула я. – Но до того, как позвонить в «Скорую», я пробыла здесь не больше пятнадцати минут.

– Так, – лейтенант сверился со своими записями, – значит, около половины двенадцатого. – И что же случилось после того, как вы вошли в квартиру?

Живот мой крутить перестало, поэтому я спокойно и подробно поведала лейтенанту обо всем по порядку. Понимаю – работа у него такая. Мне и самой время от времени случается общаться с людьми на предмет выяснения всяких разных подробностей. Пока мы разговаривали, я видела через открытую дверь кухни, как выносили носилки и мелькали какие-то люди с озабоченными лицами.

На кухню вошел мужчина в штатском, молча положил перед лейтенантом коричневое кожаное портмоне и вышел.

– Вы были знакомы с гражданином Белкиным? – спросил лейтенант, рассмотрев паспорт, который он выудил из портмоне.

– Если это Аркадий Сергеевич, то была, – кивнула я, – минуты две. Я ведь вам уже говорила.

– Да, – задумчиво произнес лейтенант, – странная история. Убийца, судя по почерку – профессионал, убивает Белкина – генерального директора ЗАО «Металлоконструкция» – и тяжело ранит его подружку – медработника Второй городской больницы, а соседку, случайно зашедшую в гости, не трогает...

– Чего это вы такое говорите? – с тревогой в голосе спросила я. – Может, мне извиниться перед вами, что я осталась в живых и даже смертельно не ранена, а?

– Извиняться не нужно, – насупился лейтенант, – лучше расскажите правду.

Первое положительное мнение о старшем лейтенанте испарилось, словно легкий туман под лучами солнца. Вот он, оказывается, куда клонит! Только не на ту напали, товарищ.

– Значит, вы мне не верите? – выдохнула я, нервно хлопая себя по карманам в поисках сигарет.

Найдя их, я щелкнула зажигалкой и глубоко затянулась.

– А вы бы на моем месте поверили? – равнодушно спросил старший лейтенант, глядя мне в глаза.

– Естественно, – не моргнув глазом ответила я, хотя его вопрос застал меня врасплох.

Не такой ты простой, лейтенант, как кажешься.

– Не пугайтесь, – сдержанно улыбнулся лейтенант, – я не собираюсь вас задерживать. Мы не обнаружили орудия убийства. Боюсь только, что мне придется вас еще раз побеспокоить. В этом деле каждая мелочь может оказаться важной.

– Вы знаете, как меня найти, – твердо сказала я, поднимаясь. – Можно идти?

– Не смею задерживать, – дежурно улыбнулся он, – и не болейте больше.

Он еще издевается! – меня чуть не передернуло от его замечания.

– Больше не буду, – как можно естественней улыбнулась я, – а вы, вместо того чтобы беспокоиться о моем здоровье, постарайтесь лучше найти убийцу.

Я развернулась и с гордо поднятой головой вышла из Инкиной квартиры.

Сопляк, мысленно ругнулась я в адрес лейтенанта, ему еще в кораблики играть, а он убийства расследует. Поднявшись к себе, я поняла, что желудок, несмотря на перенесенный стресс и поздний час, требует горячего. Конечно, есть я ничего не стала, но кофе сварила и добавила туда капельку коньяка. Вот тебе и сходила за лекарством, перефразировала я известный анекдот про поход в булочную, хорошо еще, что голова цела.

Я села на диван перед телевизором, поставила рядом пепельницу и закурила. Щелкнула пультом. Я смотрела на экран, но мысли были далеко от мелькающих красочных картинок. Все, что происходило на экране, казалось мне малозначительным и откровенно пошлым. Излучающее сытое довольство и самоупоение лицо ведущего программы казалось мне на редкость уродливым и несносным. Предметом обсуждения являлся секс. Старые целлюлитные тетки и закомплексованные барышни со всеми признаками грядущего стародевичества на угреватых лицах говорили на редкость пресные ханжеские фразы. Я выключила ящик и, откинувшись на спинку кресла, закрыла глаза.

Вот уж повезло так повезло! Бедная Инка. Как она? У меня не было сомнений, что соседка стала жертвой страшного недоразумения. Убийца, конечно, отслеживал ее гостя, а она попала под горячую руку. Нет, а этот гусь-лейтенант! – гневно передернула я плечами, ощущая новую волну раздражения.

Стараясь не думать о лейтенанте, я пошла в ванную. Приняв душ, растерлась огромным полотенцем и поспешила в спальню. Но, несмотря на все мои героические усилия и решимость заснуть, я еще на протяжении часа витала мыслями в околоземном пространстве, периодически возвращаясь к сегодняшнему инциденту.

Глава 2

Будильник поднял меня в половине девятого. Поздновато, конечно, для главного редактора прославленного еженедельника «Свидетель», но что поделаешь – я люблю поспать и использую каждую благодатную минуту для того, чтобы дать отдохнуть своему загроможденному миллионом задач интеллекту. Главное – это подняться с кровати свежей и отдохнувшей. Я просто обязана быть в форме, оправдывалась я перед собой за столь наглое пренебрежение временем. В конце концов, могу же я установить свой собственный режим, демократия у нас или не демократия?!

После водных процедур, которые наряду с царством Морфея были для меня каждодневной приятной необходимостью, я ощутила желание сделать еще что-нибудь полезное для своего брэнного тела. Как насчет завтрака?

Ладно, перейдем к гастрономическим радостям. Я бухнула на сковородку два яйца, предварительно обжарив на ней ломтики бекона и лук. Сварила кофе. Довольно посредственный, если вспомнить, какой замечательный напиток готовит Маринка, моя секретарша и подруга в одном лице. Прямо кудесница. Секреты мастерства, так, кажется, называется умение из обычного, доступного любому встречному и поперечному материала сотворить чудо.

Когда я спрашиваю себя, что заставляет терпеть рядом с собой склонную к опасным приключениям и страдающую отсутствием деликатности секретаршу, ответ приходит не сразу. Может, умение делать кофе? Ну, конечно, нет. Мне симпатичен ее живой нрав, ее деловитость и исполнительность. Но этот ее недостаток – влипать во всякие истории и, что еще прискормней, постоянно втягивать в них меня – чудовищен. А вот вчера я вляпалась сама.

С самого утра я настраивала себя на бодрый жизнерадостный лад и вдруг – прокол. Мысль о вчерашнем злополучном посещении Инки, которую я глушила водными процедурами и прочей драгоценной ерундой, внезапно напомнила о себе. Сознание непоправимости случившегося, весь спектр отрицательных эмоций, поднятых вчера со дна моей души недоверчиво-корректным лейтенантом, отравляли мое существование.

Нет, полуодетая, я присела на диван, с этим надо что-то делать. Я представила себе будущие визиты ментов, тоскливую канитель и оскорбительно-ядовитые намеки, старательно скрываемые под маской сухого делового спокойствия, почти равнодушия, всю эту заскорузлую, убийственно скучную механику вопросов-ответов, настороженную приглядку, невинные провокации и... мне стало тошно.

Я сама должна что-то предпринять. Не могу я вот так сидеть и ждать... Да нет, конечно, не сидеть. Но и работать в редакции, болтать с Маринкой, обсуждать что-то с Кряжским – да я просто не смогу быть самой собой, получать от всего этого удовольствие, если проявлю пассивность!

Я оделась, проверила в сумке ключи и, выйдя на лестничную клетку, захлопнула дверь. Слава богу, что у нас в доме лифт – не надо проходить мимо Инкиной двери. Что, трусишь? – ехидно подначила я саму себя. Нет, не трушу, но все-таки...

Моя неоднократно испытанная на верность и на прочность «Лада» стояла во дворе. Недалеко от нее, лаская взор своими гладкими обтекаемыми формами, за которыми угадывалась мощь и сила, отдыхал синий «БМВ». Даже не отдыхал, а покоился – таким сиротливым, несмотря на весь свой лоск и ликующую новизну, показался мне этот шикарный автомобиль. Я села за руль своего простенького, но вполне приличного по нынешним временам авто и включила зажигание.

Через десять минут я уже входила в редакцию, ловя на себе по-утреннему пристрастный взгляд своей секретарши.

– Привет, – я на минуту задержалась у ее стола.

– Привет. Кофе будешь?

Вежливо-дежурный вопрос.

– Буду, – я сделала над собой гигантское усилие и улыбнулась.

– Что-нибудь стряслось? – спросила эта мудрая прорицательница и провидица.

– Расскажу – не поверишь, – лаконично заинтриговала я Маринку, почему-то раньше времени открывшую рот, – убийство в квартире прямо подо мной, – невесело усмехнулась я.

– Да ну-у! – шире открыла рот моя подруга. – Но зато теперь, – быстро подтянула она свою отпавшую челюсть и сделала обиженное выражение лица, – ты не будешь твердить, что исключительно благодаря мне влипаешь во всякие неприятности.

Она гордо повела плечами и направилась к десертному столику.

– Мне покрепче, – бросила я, открывая дверь в свой кабинет.

Пока я раздевалась, усаживалась за свой стол, закуривала, Маринка приготовила кофе. Она вошла в кабинет с подносом, на котором стояли две кофейные чашки, от которых поднимался тонкий ароматный дымок, и вазочка с печеньем. Я почему-то вспомнила вчерашние пирожки.

– Между прочим, как у тебя с желудком? – ехидно посмотрела я на Маринку.

– Нормально, – она непонимающе уставилась на меня, пристроив поднос на краешек стола.

– Мне почему-то кажется, что все началось с пирожков, – я немного сбавила тон.

– Какие пирожки-то, Оль? – она опустилась на кресло перед столом.

– Значит, у тебя с желудком все нормально? – подозрительно переспросила я.

– Я ничего не понимаю, – Маринка взяла чашку с блюдцем с подноса и сделала маленький глоток. – Кажется, ты хотела рассказать об убийстве. Разыграла, да?

Маринка улыбнулась, отставила чашку и потянулась за сигаретой.

– Мне не до розыгрышей, – я пододвинула к ней пачку «Винстона» и взяла свою чашку, – просто все началось с того, что желудок у меня взбунтовался. Ну я и погрешила на пирожки, которые ты притащила вчера.

– Да ты что, Бойкова? – возмущению Маринки не было предела. – Я никогда бы не взяла у незнакомой торговки! А эта баба Тома жила в нашей коммуналке, я видела, как она все готовит. Вся такая чистенькая-аккуратненькая, прямо светится.

– Ладно, – махнула я рукой, – наверное, салатов объелась.

– Ну точно, – подхватила Маринка, – ты же вчера на пьянке была. Как погуляли?

Я пожала плечами.

– Ты знаешь, я пошла только потому, что не могла отказаться, – пробормотала я. – Меня все эти гулянки утомляют. Народ принимает на грудь, начинает беспричинно смеяться, а я сижу и наблюдаю за всеми этими метаморфозами. Не слишком весело. В общем, началось все с расстройства.

Я изложила Маринке перипетии вчерашнего похода к Инке, успев выкурить за это время не одну сигарету.

– Это его жена, – безапелляционно заявила Маринка: я дошла до эпизода, когда Инка на несколько секунд пришла в себя, – тут и думать нечего.

– Но ведь на жену подумают в первую очередь, так что это не слишком-то умно, – резонно, как мне показалось, заметила я.

– А кто говорит, что жена Белкина умная? – возразила Маринка. – Ты ее знаешь?

– Нет, – покачала я головой, – а не мешало бы познакомиться.

– Хочешь сама найти убийцу? – Маринка бросила на меня пренебрежительный взгляд. – Дело бесперспективное – обыкновенная бытовуха. Кому это интересно?

– Знаешь что, девушка, – набросилась я на Маринку, – не в каждой бытовухе применяют пистолет с глушителем.

– Значит, наемный убийца, – со знанием дела объяснила Маринка, – киллер, по-нашему. Только непонятно, почему он твоей соседке репу не продырявил?

– Есть и другие вопросы.

– Ну и какие же?

– Как убийца попал в квартиру? Звонка я не слышала.

– Ну-у, – задумалась Маринка, а потом лицо ее прояснилось, – ты же пришла. Вот Инна и забыла дверь запереть.

– У нее английский замок, – покачала я головой, отвергая версию, – запирается сам, если дверь закрыта.

– Может, не закрыла до конца, – не сдавалась Маринка. – Знаешь, так бывает, дверь вроде закрыта, а язычок в паз не попал...

– Все может быть, – выпятила я губы, – только это случайность, а я в случайности не верю.

– Случайность – это непознанная закономерность, – выдала Маринка и гордо посмотрела на меня.

– Но все-таки закономерность, – улыбнулась я, – мое же посещение Инки никто предвидеть не мог, даже если и предполагал, что дверь останется незакрытой. И потом, убийца даже не знал, что я нахожусь в квартире. Во всяком случае, я на это очень надеюсь.

– Да-а, – протянула Маринка, – есть над чем подумать. Погоди-ка, – вдруг встрепенулась она, – твоя соседка сказала: «Эта сучка». Значит, стреляла все-таки женщина. Наверняка жена Белкина, хоть ты и отказываешься в это верить.

– То, что это женщина, еще можно предположить, – скептически улыбнулась я, – если Инка не бредила, но с чего ты взяла, что это была жена Белкина?

– Ну как же, – начала горячиться Маринка, – что, по-твоему, значит «эта»?

– И что же?

– То, что Инна была знакома с ней, вот что, – торжествующе уставилась она на меня. – Если бы твоя подружка не знала ее, она сказала бы как-нибудь по-другому.

– Как, например?

– Не знаю, – Маринка в запале развела руками, – но уж точно не так.

– Ладно, не горячись, – постаралась я успокоить подругу, – может быть, ты и права. Только нам нужно знать все наверняка. А для этого следует выяснить, что вообще представлял из себя этот Белкин. Зайди к Кряжимскому, пусть попробует узнать об Аркадии Сергеевиче по своим каналам.

– Так ты действительно берешься за это дело? – решила уточнить Маринка, по моему мнению, совершенно излишне.

– Берусь. Стала бы я впрягать Кряжимского, – многозначительно посмотрела я на нее, показывая, что не очень довольна сбоем в работе ее понятийного аппарата, – и все-таки... – я на минуту задумалась, – не будь этих чертовых пирожков, я бы не спустилась к Инке... А пирожки-то ты мне подсунула.

Маринка вспыхнула и, надув по привычке губы, поспешила покинуть кабинет.

* * *

Через полчаса благодаря стараниям Кряжимского я располагала домашним адресом и номерами телефонов господина Белкина. Он, к моему глубокому удивлению, жил не за городом, а в центре. Так что колесить мне долго не пришлось. Я остановила машину во дворе, образованном несколькими четырех- и пятиэтажными сталинскими постройками, в чьей доброте имела случай убедиться.

Судя по номеру дома, семейство Белкиных проживало в пятиэтажном здании, покрытом розовато-коричневатой штукатуркой. Я решительным шагом направилась к подъезду, у которого стояли две красивые иномарки темно-зеленого и серого цвета. «Ауди» и «Форд».

Первая трудность меня подстерегала уже на невысоком каменном крыльце. Дверь оказалась с кодовым замком, а кода, как вы понимаете, я не знала. Оставалось ждать, когда кто-нибудь живущий в этом подъезде захочет прогуляться или, несмотря на ветер и высоченные сугробы, отважится выйти за молоком или за хлебом.

Я вернулась к «Ладе», села за руль и закурила. Минут через десять подъездная дверь с пронзительным металлическим лязгом отворилась, и на крыльцо вышла грузная женщина пенсионного возраста в каракулевой шубе и норковой боярке.

Я ринулась ей навстречу. Она еще не успела закрыть дверь, как я огорошила ее просьбой немного подождать. Она взглянула на меня с такой агрессивной настороженностью, словно я была террористкой и жаждала смести ее жилище с лица земли при помощи килограмма тротила.

Но мне удалось-таки проскользнуть в подъезд, оказавшийся на редкость ухоженным. Нет, цветы на подоконниках отсутствовали, но было на удивление чисто и опрятно. Двери жильцов тоже не могли внушить ничего, кроме уважительного почтения и полного благонамеренных дум смирения. Высокие, отделанные дубовой рейкой или кожей. Я поднялась на третий этаж.

Готовая к любому повороту событий и сюрпризу, я позвонила в квартиру Белкиных. Дверь, отделанная буковой рейкой, почти мгновенно распахнулась. Причем я была избавлена от весьма унижительного допроса, которому хозяин дома обычно подвергает визитера.

На пороге стоял и с удивлением смотрел на меня высокий худощавый шатен в темно-синем костюме. Узкие лацканы однобортного пиджака и великолепный крой придавали костюму стильное изящество, говорившее, что его владелец знает толк в моде и заграничных изысках.

У молодого человека оказались упрямое выражение лица, крутой лоб, темные глаза под низкими бровями, породистый, с горбинкой, нос, хорошо очерченные губы и небольшая ямочка на подбородке. Его густые жесткие волосы были зачесаны назад.

– Добрый день, – улыбнулась я, – мне нужно поговорить с Белкиной Людмилой Николаевной.

Молодой человек с недоумением приподнял брови и удивленно улыбнулся в ответ.

– А вы кто? – полюбопытствовал он.

– Вот мое удостоверение, – я достала из сумки свои корочки и протянула парню.

Он лениво развернул удостоверение, опустил глаза и вернул мне.

– Боюсь, сейчас не время... – меланхолично произнес он и пожал плечами.

– Саша, кто там? – раздался из-за спины денди требовательный женский голос.

– Людмила Николаевна, тут с вами поговорить хотят, – осмелился крикнуть он в ответ.

– Кто-о? – продолжал вопрошать недовольный голос.

– Сотрудница еженедельника «Свидетель», Бойкова Ольга, – парень вопросительно взглянул на меня, – правильно?

Я кивнула, сопроводив свой жест благодарной улыбкой. Молодой человек ответил мне понимающим взглядом.

– А вы... – замялась я.

– Александр Георгиевич Марусев, – с благожелательным выражением лица доложил он, – протягивая руку.

– Ольга Юрьевна... Фамилию мою вы знаете...

– Как быстро все становится известным... – рассеянно произнес Александр.

– Ну что ты здесь... Я ничего не слышу, – стройная женщина в черной блузке и серой деловой юбке протиснулась между Сашей и косяком. – Вы ко мне?

Она буравила меня недоброжелательным взглядом близко посаженных карих глаз. Густо накрашенные ресницы сообщали этому взгляду тревожащую пристальность, и я поежилась. Светло-русые волосы Белкиной – я не сомневалась, что это была она, – слегка подвитыми блестящими прядями падали на плечи. Тонкие черты лица изумительно правильные. Несколько морщинок возле глаз и небольшая складка между густыми бровями ее совсем не портили.

«Красивая женщина», – оценила я.

– Это главный редактор газеты «Свидетель» Бойкова Ольга, – взял на себя труд представить меня Александр.

Он совсем не смотрел на Белкину, да и на меня тоже. Взгляд его растекся по противоположной стене озерцом тоскливого уныния. Видимо, ему надоело торчать в дверях и он потерял интерес к происходящему.

– Я никого не принимаю, – высокомерно объявила Белкина, глядя на меня в упор своими недоброй красоты глазами, – до свидания.

Она резко повернулась на каблуках, но здесь уже я предприняла усилия, чтобы ослабить ее сопротивление.

– Я была там, когда все это случилось.

– Что-о? – с яростным возмущением уставилась на меня Белкина. – Были? Где? Мне некогда!

Александр оживился. Теперь он не сводил с меня своих больших темных глаз.

– Когда убили Аркадия Сергеевича, – доходчиво пояснила я. – Убийца чудом меня не заметил.

– И что же? – не хотела понимать меня вдова Аркадия Сергеевича.

– Хочу найти убийцу, – со всей присущей мне прямолинейностью выпалила я, чувствуя, что щеки мои покрываются румянцем.

– А я-то здесь при чем? – язвительно усмехнулась Белкина, пренебрежительно передернув плечами.

– Мне нужно с вами поговорить, прямо сейчас. Вы можете оказать действенную помощь в разоблачении убийцы.

– Ой, не смешите, – нервно рассмеялась Белкина, – какое разоблачение?! Кто этим будет заниматься всерьез? Так, для галочки. А вы, – смерила она меня уничтожающим взглядом, – дешевых сенсаций для своей газетенки ищете. Или я не права?

Она перевела свой холодный насмешливый взгляд на Александра, как бы ища у него поддержки, но он невозмутимо глядел куда-то в сторону.

– Саша, – издала она капризный возглас, – закрывай дверь!

– Людмила Николаевна, – стараясь выглядеть максимально спокойной, сказала я, – понимаю, что вы чувствуете... Но, увы, время не терпит!

– Понимаете?! – прорычала Белкина, – да что вы можете понимать?! Папарацци!

Она вложила в последнее слово столько уничтожающего презрения и ненависти, что я едва удержалась, чтобы не плюнуть на всю эту затею с интервью.

– Вы не правы, – тихо, но четко выговорила я.

– А мне плевать – права, не права! – судорожно рассмеялась Белкина, – все, разговор окончен. Мы теряем время.

Она с гордой решимостью оскорбленного ангела оттолкнула Александра, хотя это было явно излишним жестом, и вернулась в квартиру.

Александр скосил на меня свои лукавые глаза.

– Я же говорил, что не время.

– В любом случае спасибо. И все-таки...

Александр отрицательно покачал головой.

– Бойтесь? – наивно предположила я, имея тайное желание задеть его за живое.

- Да нет, просто знаю, что ничего хорошего из этого не выйдет.
- Это не что иное, как отговорка, – испытующе посмотрела я на него.
- А вы с характером, – удовлетворенно хмыкнул он, – допустим, я вас пропущу. Что я буду за это иметь?
- Коммерческий подход, – полупрезрительно улыбнулась я.
- Ну так я же коммерсант.
- Бизнесмен, – продолжала я пикироваться теперь уже с Александром.
- Вам претит иметь дело с бизнесменами? – насмешливо поинтересовался он. – Думаете, папарацци лучше?
- И те и другие делают свое дело, – краснея за собственное косноязычие, сказала я.
- Это верно.
- Вы работаете в «Металлоконструкции»? – спросила я. Александр вяло кивнул.
- А кем, если не секрет?
- Секрет, – улыбнулся он одними глазами.
- Саша, ну в конце-то концов! – снова раздался у него за спиной раздраженный голос Белкиной. – Сколько можно?
- Иду, Людмила Николаевна.
- А что вы хотели бы иметь? – не понимая, что происходит: то ли иду на попятную, то ли в наступление, спросила я.
- Романтический вечер вдвоем, – с холодным блеском в глазах сказал Александр.
- Со мной? – глупо переспросила я.
- С вами.
- Интересно, как выглядит со стороны наш обмен лаконичными репликами.
- Я пребывала в самом настоящем замешательстве.
- Ну так что? – любопытствовал Александр.
- Это ваш метод? – вызывающе усмехнулась я.
- Итак?
- Стою здесь и торгуюсь! Что же, соглашаться? Позволить этому молодчику распоряжаться мной?
- Когда? – глухо произнесла я, сдерживая волнение.
- Сегодня или завтра, когда вам будет удобнее.
- А мы обходительны!
- Я оставляю вам номер своего телефона.
- Вместо ответа Александр посторонился, впуская меня в квартиру. Едва я оказалась в гостиной, как поняла, что окружена драгоценным ампиром и недружелюбным вниманием Белкиной и невысокого грузного господина в сером костюме. «Где-то я его видела», – пронеслось у меня в мозгу.
- Людмила Николаевна, – начал разруливать ситуацию Александр, – будет лучше, если вы поговорите с девушкой.
- Он обратил на Белкину красноречивый взгляд.
- Это еще почему? – возмущенно, чтобы скрыть свою растерянность, произнесла она.
- Положение обязывает. Подумайте, что будут болтать в городе, если ее газета, – он кивнул в мою сторону, – напечатает, что Белкина Людмила Николаевна уклонилась от разговора с представительницей тарасовской прессы. Зачем вам такая слава? Понятное дело, вы переживаете и вам не до интервью, но, что ни говори, пресса – это четвертая власть, хотим мы того или нет.
- Александр проникновенно смотрел на Белкину. Та же словно вся сжалась внутри, одеревенела. Только красивые темные глаза, казалось, жили на ее застывшем побледневшем лице

своей беспокойной жизнью. На секунду в них мелькнуло затравленное выражение, и впервые за время моего визита во мне шевельнулось что-то похожее на сочувствие.

– Людмила, – произнес солидный господин в сером костюме, – вы можете поговорить в кабинете, а мы с Александром пока обсудим наши дела.

– Вы мне не верите?! – истерично воскликнула Белкина. – Это сговор! Шантаж!

– Людмила, – ласково приобнял ее за плечи мужчина в сером костюме, – возьми себя в руки. Никто не заставляет тебя болтать без умолку, откровенничать о том, что ты считаешь своим долгом доверить только членам семьи, просто поговори с девушкой. Несколько минут.

– Мне больше и не надо, – поддержала я благородный порыв господина в сером.

– Хорошо, – сдавленно произнесла Белкина и, гордо вскинув голову, пошла по коридору.

– Иди за ней, – обратился ко мне на «ты» Александр, легонько подтолкнув меня в бок.

Я поторопилась выполнить совет. Когда я вошла в просторный кабинет, уставленный книгами, овальным столом из ореха в центре и кожаными диванами и креслами у стен, Белкина сидела за столом и нервно ломала пальцы.

– Радуетесь? – враждебно взглянула она на меня. – Что вы хотите узнать?

– Людмила Николаевна, успокойтесь, я полностью на вашей стороне, – неуклюже заверила я ее.

– А вот в этом я не нуждаюсь. Саше, конечно, виднее.

– Он работает в фирме вашего...

– Да, – резко перебила она меня.

– Сесть можно? – полюбопытствовала я у негостеприимной хозяйки.

Та судорожно кивнула и ехидно усмехнулась: вот, мол, я пленница, что хотят эти папарацци, то и делают, загнали бедную вдову в угол, а теперь еще и разрешения просят. Сплошное лицемерие!

Я присела на краешек кресла и как можно более мягким голосом заговорила с Людмилой Николаевной:

– А кем, если не секрет, работает Марусев?

– Что же он вам до конца не доложил? – злорадно спросила она.

– Не успел, – невозмутимо парировала я. – У вас тут курить можно?

– Валяйте, вам теперь все можно! – скрестила руки на груди Белкина.

– Пепельница не подскажете где?

Пока не спросишь – не догадается.

Белкина взяла с подоконника большую латунную пепельницу и поставила передо мной. Едва пепельница коснулась поверхности стола, она тут же отдернула руку, точно боялась испачкаться.

– Так кем работает Марусев?

– Что это вы им так заинтересовались?

– Собираю информацию, – затянулась я сигаретой.

– Мне, я так поняла, лучше отвечать, иначе вы меня в покое не оставите? – с наигранным, как мне показалось, отчаянием осведомилась Белкина.

– А я вас не такой себе представляла, – прищурилась я, не сводя внимательного взгляда с Людмилы Николаевны.

– Думали, наверное, что я рыдать буду, в истерике биться?

– У вас это все еще впереди, – выпустила я новую струю дыма.

Я позволила себе произнести несколько реплик менторским тоном. Надо немного сбить спесь с этой богатой вдовушки.

– Ой, какие мы опытные! – поставив руки в боки, закачала головой Белкина, – сколько у нас гонора! Камеру в руки дали, так уже Медковыми себя с Прошутинскими чувствуем!

– Для того чтобы предположить, как чувствует себя женщина, потерявшая мужа, не надо журналистского опыта.

– А вы еще и бестактны! – вскипела Белкина.

– Потому что напомнила вам о гибели Аркадия Сергеевича?

Белкина холодно посмотрела на меня и презрительно отвернулась к окну, занавешенному темно-зелеными бархатными шторами. Некоторое время мы сидели молча, потом она повернула ко мне лицо.

– Не будем терять времени, – холодно произнесла она, – желаете взять интервью – берите.

– Я бы хотела пояснить цель своего визита, – дружелюбно сказала я, – чтобы у вас сложилось правильное впечатление...

– Ничего, – махнула она рукой, – сложится в процессе, так сказать.

– И все же... – я пыталась поймать ее ускользающий взгляд. – Это будет не совсем интервью, как вы изволили выразиться. И даже если мы назовем нашу беседу именно этим словом, хочу заверить, что не собираюсь печатать ее в газете.

– Зачем же тогда вы пришли? – в глазах Белкиной появился живой интерес.

– Дело в том, что я по случайному стечению обстоятельств, в подробности которых мне не хотелось бы вдаваться, была в квартире Инны Демьяновой в то самое время, когда убили вашего мужа и ранили хозяйку.

– А-а, – с ехидной улыбочкой протянула моя собеседница, – значит...

– Ничего это не значит, – оборвала я Белкину, чтобы не выслушивать ее оскорбительно-едких догадок. – Просто Инна – моя соседка, и я спустилась к ней за лекарством.

– И вас оставили в живых? – недоверчиво посмотрела на меня Людмила Николаевна.

– В тот момент я, к счастью, оказалась в другом помещении, и убийца не подозревал о моем присутствии, – немного смутилась я, – иначе жертв стало бы больше. Милиция, которая прибыла на место преступления, высказала предположение, что я могу быть причастной к убийству. Это меня не радует, как вы понимаете, и поэтому я вынуждена предпринять собственное расследование. Теперь вам ясно, почему я так настойчиво хотела с вами встретиться?

– Очень интересно все, что вы рассказываете, – вздохнула Людмила Николаевна, – но нельзя ли побыстрее: у меня много дел.

– Можно, – кивнула я. – Какие отношения были у вас с Аркадием Сергеевичем?

– Нормальные, – демонстрируя недоумение, она приподняла плечи, – как у всех.

– У всех они разные, – резонно возразила я. – Вы его любили?

– Я не девочка, чтобы верить в такие глупости, – презрительно произнесла Белкина.

– Тогда я спрошу по-другому: вы доверяли друг другу?

– Вы что, смеетесь надо мной? – побагровела она. – Вы не догадываетесь, зачем он приходил к вашей подружке?

Ее колкость я пропустила мимо ушей. Я даже не стала объяснять, что Инка, в сущности, не была моей подругой, и продолжала задавать вопросы.

– Вы не хотели развестись с мужем?

– Вот уже почти два года мы собирались это сделать, – с брезгливой ухмылкой произнесла Белкина, – но дела, дела...

– У вас есть брачный контракт?

– Ну мы же современные люди, – усмехнулась она, – конечно.

– Что бы вы получили, если бы развод состоялся?

– Ай-яй-яй, голубушка, – хитро погрозила она мне изящным пальчиком, – это ваши журналистско-ментовские приемчики, да? – Благодушное выражение слетело с ее лица, и она зло посмотрела на меня. – Спросили бы прямо: выгодна ли мне смерть мужа?

«Спокойно, Оля», – сказала я про себя, а вслух произнесла:

– Я и спрашиваю.

– Если бы мы развелись, я бы почти ничего не получила, – Белкина меланхолично глядела в окно, – так, мелочишку.

– Вы знакомы с Инной Демьяновой?

– Это ваша подруга?

– Соседка, – уточнила я.

– Не имела чести, так сказать. Еще вопросы есть?

– Видели ее когда-нибудь?

– Голубушка, – снисходительно улыбнулась Людмила Николаевна, – если бы я следила за всеми... – Она запнулась, подбирая слово, но, видно, не нашла и продолжила: —...за всеми Аркашиными блядами, я бы не успевала следить за собой.

– У вашего мужа были враги? – я торопилась задавать вопросы, потому как мне уже намекнули о лимите времени.

– Наверное, раз его пристрелили, – равнодушно сказала Белкина.

– Вы хотите сказать, что не знаете таких?

– Нет, не знаю.

– А как у него шли дела на работе?

– Тоже не знаю, но, кажется, неплохо. По-моему, он недавно даже купил что-то, то ли банк, то ли завод...

– Не могли бы узнать поточнее?

– Спросите об этом Сашу, – устало произнесла она, – то есть Александра Георгиевича, он в курсе. А я совершенно не разбираюсь в бизнесе, – пренебрежительно добавила она.

– Хорошо. Спасибо, вы очень помогли, – дипломатично соврала я.

– Помогла? – насмешливо взглянула на меня Людмила Николаевна.

Я мило улыбнулась и кивнула.

– Ну тогда... – замялась она.

– Я пошла. – Я поднялась с кресла и вышла из кабинета.

Глава 3

По дороге я заглянула в гостиную. Александр и мужчина в сером костюме пили кофе. Увидев меня, Александр быстро встал с дивана и поспешил навстречу.

– Мы хотели и вам предложить кофе, – улыбнулся он, – но боялись помешать. Людмила Николаевна в кабинете? – шепотом поинтересовался Александр.

– Да. Вообще-то я передумала, – адресовала я Марусеву твердый, как гранит, взгляд.

– Что? – не понял он.

– Встретимся сегодня днем, – с оттенком стервозности улыбнулась я.

– Действительно, – согласился Марусев, – зачем терять время? Я буду ждать тебя через час в клубе «Мехико».

– А клубы и днем работают? – удивилась я.

– Угу. – Он направился в кабинет к вдове.

Пошел успокаивать, наверное, – иронично подумала я.

– Я хотел бы вам сказать несколько слов, – оживился мужчина в сером костюме. – Разрешите представиться, Белкин Станислав Сергеевич.

– Вы – брат Аркадия Сергеевича? – проявила я чудеса догадливости.

Мужчина кивнул.

Вот оно, значит, как... А я-то думаю-гадаю, где я видела этого человека. Что-то в его облике показалось мне до боли знакомым. Неуловимое сходство, так сказать. Более полный и рослый, чем Аркадий Сергеевич, одышливый, черты лица не то чтобы менее правильные, а укрупненные, прямо-таки гротескные. Но в движениях двух братьев, их интонации, манере держаться присутствовало что-то общее. Интуиция меня не обманула.

– Прошу, – властным, но полным спокойного изящества жестом Станислав Сергеевич указал на старинный диван, выполненный в стиле ампир.

Мне нравились подобные диваны, их прихотливо-закругленные формы, витиеватые ножки, все эти гладкие загогулины на спинках... И мне было странно, что с этой по-фрагонаровски трогательной красотой человек научился обращаться, так сказать, по-сократовски, смешивая эстетику с соображениями банальной житейской пользы. Поблагодарив Белкина, я приземлилась на голубой в желтых завитушках диванный гобелен, не зная, подделка ли он или самый настоящий раритет. Станислав Сергеевич закурил, предварительно угостив меня сигаретой, и не спеша начал разговор:

– Вообще-то всем этим дамским штучкам я предпочитаю сигары, но сегодня оставил дома... забыл, – многозначительно кашлянул Белкин, – такой день.

Он нахмурился. Опушенные углы его тонкого длинного рта еще больше вытянулись книзу.

– Да-а, – сочувственно протянула я, стряхнув пепел в бронзовую пепельницу, сделанную в форме дельфина.

– Вы на самом деле, как сказал Александр, занимаетесь расследованием? Видите ли, я немножко знаком с вашей газетой, – он благожелательно посмотрел на меня, – читал ваши публикации. Мне ваш листок нравится.

– Спасибо. Мы стараемся как можно более трезво и объективно освещать события...

– Я заметил. Так вот, – снова кашлянул Белкин, – брат занимал ответственный пост. Неудивительно, что он мог кому-то не угодить, вы понимаете? – поднял он на меня предостерегающий взгляд.

Я кивнула. Белкин недоверчиво покосился на меня.

– Я хоть и уважаю «Свидетель» за непредвзятость, гражданскую позицию и смелость, но хочу предупредить, что, как мне кажется, дело это серьезное, и лучше вам все заранее взвесить.

– Что взвесить? – глупо переспросила я.

Станислав Сергеевич снисходительно улыбнулся.

– Стоит ли вам совать нос в это дело, – резко проговорил он.

– Мной руководит далеко не праздный интерес... – намекнула я на то, что невольно присутствовала на месте преступления.

– Саша мне сказал... – выпустил струю дыма вверх Белкин, – и все-таки мой долг – вас предупредить.

– Спасибо, конечно, – заулыбалась я, – но то обстоятельство, что я здесь, уже свидетельствует о взвешенности всех «за» и «против» в пользу «за», – убедительно сказала я.

– Похвально, – осклабился Белкин, – вижу, вы не из пугливых. Я все это время работал с братом. Поверьте, бизнес у него чистый. Он был порядочным человеком.

– Но все-таки кому-то ваш брат перешел дорогу, – возразила я.

– Ему предлагали продать завод за хорошие деньги, но он отказался, – размеренно произнес Белкин.

– Кто предлагал? – заинтересовалась я.

– Некоторые не совсем порядочные люди, назовем их так, – затянулся сигаретой Белкин.

– Мафия? – уточнила я.

– Это слово давно вышло из моды, – брезгливо поморщился Станислав.

– Я не слежу за модой на слова, – парировала я, – главное, чтобы слово верно обозначало суть предмета.

– Да, у вас есть зубы, – одобительно усмехнулся Белкин, – вы мне нравитесь.

– Поэтому вы и решили поговорить со мной? – проницательно взглянула я на моего собеседника.

– Не только, – уклончиво ответил он, – так на чем мы остановились? Что-то я сегодня рассеянный...

«Неудивительно», – сострадательно подумала я. – На нехороших людях. Откуда у вас эта информация?

Белкин посмотрел на меня так, как смотрят родители на свое любознательное дитя, которое доросло до того, чтобы подвергать сомнению их собственную компетентность и суждения, – со снисходительной усмешкой.

– Я же вам сказал, что с давних пор работал с братом, причем занимал и по сей день занимаю в фирме солидный пост... – в голосе и лице Белкина я не обнаружила ни капельки самодовольства или рисовки. Он произнес эту реплику с достоинством знающего себе цену человека, привыкшего к своему положению чуть ли не с рождения.

«Да, – подумала я, – аристократизм – качество врожденное». Я не стала вдаваться в подробности: сколько лет понадобилось Станиславу Сергеевичу, чтобы освоиться со своим «солидным постом» и капиталами.

– В этом я не сомневаюсь, – без тени иронии сказала я.

– Нам поступило предложение продать предприятие, вернее, контрольный пакет акций. Аркадий, конечно, отказался.

– Вы сказали – нам. Поступило... Это что, у бизнесменов такой жаргон, или вы выражаетесь безлично в целях предосторожности? Если вы, занимая в компании важную должность, имели информацию об этом предложении, то наверняка знали, от кого оно поступило. Или я не права?

Может, я действовала излишне решительно и даже резко, но лишь потому, что считала неуместным в подобном случае изъясняться экивоками и уклончиво-размытыми фразами. Станислав Сергеевич отреагировал на мой самоуверенный тон взглядом, в котором было неодобрение и восхищение одновременно. Он понимал, что со мной есть смысл говорить начистоту или не говорить вовсе.

- Контрольный пакет, как я поняла, принадлежал вашему брату, у вас...
- У меня шестнадцать процентов акций, – подхватил Белкин, – это, поверьте, не много, но и не мало, – с лукавой улыбкой добавил он, но тут же нахмурился.
- Кому переходит контрольный пакет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.